

Сергей КАРА-МУРЗА: «ОСОЗНАВАТЬ УГРОЗЫ ЗНАЧИТ ПРОЕКТИРОВАТЬ БУДУЩЕЕ»

Одним из самых востребованных современных российских публицистов является Сергей Кара-Мурза. Его трудно назвать политологом или политическим аналитиком. Скорее он историко-соф – мыслитель, анализирующий пути развития своей страны. Ему присуща удивительная скрупулезность при исследовании любого социального явления. С выводами Сергея Георгиевича можно не соглашаться, оспаривать, но им трудно отказать в обоснованности, продуманности и оригинальности.

Главный редактор журнала «Беларуская думка» Вадим Гигин беседует с Сергеем Кара-Мурзой

— Сергей Георгиевич, в своих книгах и статьях вы анализируете причины, приведшие к развалу Советского Союза. Об этом уже много написано и сказано. Однако если выделить главное, коренное, то в чем глубинные истоки столь стремительного разрушения сверхдержавы?

— За послевоенное время у нас произошла очень глубокая деформация сознания, практически атрофировалась возможность предвидения угроз. Разумный человек отличается тем, что он может программировать будущее, в том числе предвидеть возникающие угрозы. В советском же обществе к середине 1980-х годов возникло некое ощущение самоуспокоенности. Мы стали воспринимать социальные гарантии, имущественные блага как нечто само собой разумеющееся, чуть ли не как часть природы. И даже мысли не было, что эти блага могут уйти, будут какими-то силами демонтированы. То есть исчезло ощущение, представление, что для получения благ нужно постоянно воспроизводить массу условий: хозяйственных, духовных, политических и других. Ведь достижения нужно уметь защищать. Это в значительной степени было присуще крестьянскому сознанию. Накануне великих бедствий крестьяне накапливали ресурсы, готовились – и в этом заключался залог выживания. В индустриальном обществе повсеместно,

не только у нас, это свойство угасает. Когда в 1950–1970-е годы мы стали сытым обществом, у нас была утрачена коллективная память о голоде, бедности, недоедании. В конце 1980-х годов с Запада приезжали профсоюзные активисты левой ориентации и предупреждали, что в случае проведения приватизации рабочие должны научиться бороться за свои права, но им не верили и воспринимали это как пропаганду.

Во время существования плановой системы атрофия понимания угроз маскировалась заданным распорядком действий. Например, когда прокладывались теплотрассы, указывался срок их службы, через который трубы следовало заменить. Это определяло алгоритм действий людей, автоматизм предупреждения очевидных угроз. Любопытно, что после ликвидации плановой системы в начале 1990-х годов прекратились текущие ремонты всех систем. Из экономики были изъяты колоссальные средства, которые ранее вкладывались в ремонтные работы. Начиная с 1990 года в ремонтные работы в России недоделано около 3 триллионов долларов. Вся техническая составляющая нашего хозяйства пришла в совершенно дряхлое состояние. Растет число аварий. Но ликвидация последствий любой аварии обходится примерно в тридцать раз дороже, чем проведение планового ремонта.

В начале приватизации 67% россиян считали, что введение частной собственности ничего не изменит. Это означало, что общество было глубоко больно. Как можно было считать, что ничего не переменится при таком колоссальном социальном сдвиге? Если раньше человек был собственником своего рабочего места и только поэтому гарантировалось всеобщее право на труд, то при появлении частного собственника рабочее место предоставляется, только если это выгодно владельцу. И за последнее время мало что изменилось.

– Когда мы говорим о том, что утрачено вместе с крушением Советского Союза, необходимо осознавать: все-таки это было государство, в котором власть принадлежала народу или партии?

– Любое государство является народным. Ведь народ и создает государство, содержит его. Государство может быть жестоким, угнетать какую-то часть населения, но оно все равно остается народным. Субъектом государства выступает не класс или сословие, а именно народ как некая особая общность. Как показывает исторический опыт, великими государствами являются те, которые следуют чаяниям своего народа. Здесь особо нужно подчеркнуть: чаяниям, а не расхожим, сиюминутным мнениям. Например, сталинское государство. Конечно, Сталин следовал чаяниям народа: были преодолены смертельные угрозы, обеспечена выживаемость народа, хотя при этом какие-то частные мнения подавлялись слишком жестоко. Но люди чувствовали, что главные цели, стоявшие перед государством, достигаются. В этом и заключалась сила сталинского режима.

В своем развитии советский строй прошел несколько исторических периодов. В одни периоды он соответствовал чаяниям, императивам народа, в другие – нет. Скажем, в конце советской эпохи это явилось причиной краха, начавшегося со всеобщей народной апатии. Здесь мы сталкиваемся с проблемой легитимности строя. Легитимность объясняется просто: люди не за страх, а за совесть поддерживают власть. Она возникает тогда, когда власть обеспечивает выживание страны и народа. Мировоззренческой основой советского строя был общинный крестьянский коммунизм. Крестьянская община возникла на основе объединения с целью преодоления бедствий, массовых страданий,

сохранения жизни. И вплоть до середины XX века эту установку сохраняла коллективная память подавляющего большинства населения, она служила основой легитимности советского жизнеустройства при всем его казарменном социализме, при всей его домотканости, сермяжном аскетизме. Почему затем стало нарастать недовольство строем? Стала развиваться урбанизация, стремительно росла городская культура, которой ценности крестьянской общины были чужды. А генетически они не передаются. Но вся система идеологической работы в советском обществе по-прежнему обращалась к тому раннему принципу легитимации власти, основа которой уходила в прошлое вместе с крестьянским обществом. Исчезал общинный тип мировоззрения и культуры. И та правящая верхушка стариков времен Брежнева просто не понимала взглядов и потребностей нового общества. Ценностями провозглашалось преодоление угрозы войны, голода, а общество это уже не воспринимало как ценность – оно забыло об этих угрозах. Поэтому, как только появился новый альтернативный тип жизнеустройства, общество мгновенно его подхватило. И этот тип происходил из западной культуры, основанной на принципе не минимизации страданий, а максимизации удовольствий.

– Очевидно, что часть угроз, а возможно, и все они сохраняют свое действие и поныне?

– Безусловно. И главная угроза – демонтаж народа. В нашем обществоведении эту проблему никогда не предвидели. А оказалось, что народ действительно можно разобрать. У нас в течение очень длительного времени довел исторический материализм. В основу истории была положена борьба социальных общностей. До марксизма русская интеллигенция свои представления о народе черпала из немецкой классической философии, в которой народ представлялся как порождение высших сил: крови и почвы. Наши православные философы это представление несколько изменили, представив народ как порождение некоей божественной воли. Но, так или иначе, народ считали чем-то неизменным. Проблему деклассирования, то есть видоизменения одной социальной группы, у нас понимали. А то, что народ можно демонтировать под влиянием внешних сил, не признавалось. Но в 1950-е годы на Западе было принято решение перенести главный удар с целью

КАРА-МУРЗА Сергей Георгиевич.

Родился в 1939 году. Окончил химфак МГУ. В 1961–1968 годах – аспирант и сотрудник Института химии природных соединений, Института органической химии АН СССР. В 1968–1990 годах – сотрудник, руководитель отдела, заместитель директора Института истории естествознания и техники АН СССР. Доктор химических наук (1983), профессор (1988). В тот период опубликовал более 50 статей по химии, статьи по истории и методологии науки, науковедению, книги «Проблемы организации науки» (1981), «Основы науковедения» (1985, в соавторстве), «Технология научных исследований» (1989) и др. Входил в группы экспертов ЦК КПСС, готовивших материалы по организации науки, международным отношениям и др. В 1989–1990 годах работал приглашенным профессором университета Сарагосы (Испания), в 1990–2000 годах – главный научный сотрудник, зав. сектором в Аналитическом центре по научной и промышленной политике (АН СССР, потом РАН, потом Миннауки России). Более всего известен работами об общественном сознании. С 1989 года печатает статьи в газетах «Правда», «Советская Россия», «Завтра» и др. Наиболее известны книги «Врывать электроды из нашего мозга» (1994), «Интеллигенция на пепелище России» (1995, 1997), «Евроцентризм – скрытая идеология перестройки» (1996), «История государства и права России» (1999, 2000, 2001, в соавторстве), «Манипуляция сознанием» (2000), «Советская цивилизация» (2001), «Маркс против русской революции» (2008).

разрушения советского государства с социальными связями на этнические, то есть разрыхлять связи внутри русского народа и подрывать его связи с другими народами. И эта задача была выполнена в очень большой степени. У советского народа, который, конечно же, существовал, исчезли атрибуты нации. Были разрушены внутренние связи, скреплявшие его. А таких связей, коммуникаций насчитывается около сотни. Это и хозяйственные, и культурные, и политические, и психологические связи – огромный конгломерат, который и соединяет народ в единое целое. Нужно сказать, что деятельность по разрушению народа продолжается. Приход Путина к власти в России лишь притормозил этот процесс, но не остановил его.

В подобных ситуациях находились и другие народы. Скажем, китайцы в начале XX века были на грани исчезновения как нация. Тогда нарушились культурные и этнические основы, на которых строилась китайская нация. Но затем была осознанно поставлена задача воссоздать ее, пересобрать на новых основах. Работу эту начал Сунь Ятсен, а продолжили затем коммунисты. Чтобы возродить нацию, на воссоздание сильного процветающего государства ушло примерно пятьдесят лет.

Во время перестройки в СССР велась продуманная информационно-психологическая война, направленная на перекодирование самого психологического типа советского человека, на уничтожение исторической памяти, подрыв моральных устоев и принципов.

И мы не выйдем из кризиса, нам просто не дадут этого сделать, пока не остановим демонтаж народа. Для этого необходимо поставить и приступить к решению задач, стоящих не перед какой-то отдельной группой или партией, а перед всем народом.

Еще одна угроза – подрыв и целенаправленная деформация рационального сознания. Когда отсутствует здравое, то есть рациональное понимание того, что именно происходит в мире, общество утрачивает защитные механизмы. В результате советское обществоведение оказалось не в состоянии выполнить свои функции: анализировать то, что происходит в государстве, и предвидеть перспективы. Возьмем наши академические труды 1970-х – начала 1980-х годов.

В каком из них был предсказан кризис или хотя бы угроза, намек на него? Этого не было и в помине. Переписывали старые истины, а любые сигналы о неблагоприятных тенденциях замалчивали или поднимали на смех. И чего тогда стоит все это академическое обществоведение? Вся методология науки оказалась совершенно неадекватна вызовам и угрозам современности. За все время перестройки, развития кризиса из академических учреждений не вышло ни одного связного, концептуального объяснения, что же происходит в обществе. Либо повторяли старые истины, либо перепевали западные постулаты и теории. Функцию осмысления происходящих процессов взяли на себя новые аналитические центры, энтузиасты, какие-то маргинальные группы. Академическая наука, например философия, занимается отвлеченными проблемами, а на их глазах происходят тектонические сдвиги цивилизации. Рухнул Советский Союз! Это же грандиозное событие, катастрофа, а где ее социально-философский анализ, исходящий из стен университетов или институтов? Его попросту нет.

Вместе с рациональным сознанием мы утрачиваем и язык, общую терминологию. Например, ведутся споры вокруг рыночной экономики или гражданского общества, но каждый под этими понятиями подразумевает что-то свое. Как же можно в таких условиях вести обсуждение, когда не договорились о терминах? Уходит логика как инструмент рассуждения, выстраивания разумных умозаключений. Это говорит о той колоссальной разрушительной силе, огромном негативном воздействии, оказанном на наш народ во время перестройки. Устойчивее всех оказалось крестьянство. Дело в том, что крестьяне сохранили связь с традицией, религиозную основу своего мировоззрения, некую генетическую историческую память, да и сам быт, организация сельскохозяйственного труда предрасполагали к большей устойчивости по отношению к внешним воздействиям. Поэтому на них и не тратились особо те силы, которые осуществляли перестройку народа.

Следующая угроза – это разрушение системы межнациональных отношений. Исторически Россия складывалась как огромный конгломерат различных народов и племен. Они очень часто переплетаются территориально, прожи-

вают настолько смешанно, что их невозможно разделить. Скажем, Чечню невозможно выдлить из состава России. Как это сделать, когда огромное количество чеченцев живет по всей территории России? Самым большим народом на евразийском пространстве является русский народ. Поэтому и этническое сознание во времена Российской империи и Советского Союза было русоцентричным. Считалось, что есть центральное ядро – русские, украинцы, белорусы – жесткий каркас всей государственной конструкции. Через русский язык происходило межэтническое общение, а также осуществлялся выход на общемировую культуру. У нас сложилась совершенно особая культура межэтнического общения, отличная от западной. На Западе практикуется или ассимиляция, или сосуществование закрытых этнических групп, или апартеид. Однако в результате демонтажа народа русоцентричное сознание сумели превратить в этноцентричное, что привело к возникновению национализма, разрушению памяти народа. Этноцентризм ведет к неизбежному расколу внутри самого этноса, начинаются поиски внутренних врагов. Разжигает страсти, как правило, интеллигенция со своими амбициями, а затем межэтнические противоречия переходят на бытовой уровень человеческого общения. В результате единый народ делится на племена, этнические группы. То есть мы возвращаемся к этническому состоянию XVII века.

– **Если, по вашим словам, происходит демонтаж народа, затрагиваются основы сознания, то очевидно, что происходит и деградация не только больших масс, этнических или социальных, но и каждого человека, индивида?**

– А это еще одна угроза – деградация человеческого материала. Я имею в виду резкое ухудшение здоровья населения, причем как физического, так и духовного. Кроме того, наметилась тенденция снижения квалификации больших масс населения. Речь, по сути, может идти о деклассировании рабочих, крестьянства и научно-технической интеллигенции. Основу здорового общества должен составлять образованный квалифицированный работник. Маргинализируются значительные группы населения, которые ведут себя как гунны, разрушая пространство вокруг себя. Снимают километры проводов, вырывают кабели: разрушают инфраструктуру в местах своего же проживания.

Человеческая деградация влечет разрушение больших технических систем, прежде всего производственной базы. Оборудование стареет, изнашивается. Вообще, само понятие «износ» стало всеобщим по отношению к различным сферам жизни.

Из отраслей промышленности уходят большие финансовые потоки, которые направляются в отрасли, связанные с быстрым обогащением. Далее следует деградация систем жизнеобеспечения. В советское время жизнеобеспечение, особенно в небольших городках, было завязано на градообразующих крупных предприятиях, они обеспечивали водо- и теплоснабжение, обслуживание жилого фонда. Когда социальную базу принудительно передали муниципалитетам, то оказалось, что это и невыгодно, и неэффективно. Местные власти стали нести непредвиденные расходы, которые оказались выше, чем в случае содержания жилья предприятиями. Лишение предприятий социальной базы было большой ошибкой. Пострадали и они сами – у работников отняли стимул социальной защиты со стороны работодателя, стала снижаться производительность труда, увеличилась текучесть кадров.

Чтобы Россия преодолела эти проблемы, простого латания дыр недостаточно. Необходима программа восстановления, схожая с послевоенной. Мы нуждаемся в сложении ресурсов, финансовых, организационных, интеллектуальных, для сборки народа на новой основе.

– **Любой проект по демонтажу народа или же, наоборот, реконструкции должен, по видимому, начинаться в школе. Именно там закладываются основы будущего. Как вы оцениваете состояние современной постсоветской школы?**

– Я считаю, что реформа школы и армии – совершенно необходимый шаг для тех сил, которые хотят выполнить задачу по реформированию нашей цивилизации. Ведь школа служит своеобразным генетическим аппаратом культуры. Наша традиционная школа уходит корнями в европейскую историю. Школы возникли при монастырях. Они формировали мировоззрение, мироощущение. Средние и даже начальные учебные заведения были тесно связаны с университетами. По сути, и сейчас у нас школа и университет – суть одной общей образовательной

культуры. Но затем буржуазное общество эту школу оставило для элиты, также создало школу для масс, основанную на совершенно ином типе культуры. Это так называемая «школа двух коридоров»: один для избранных, а второй – для выходцев из простого народа. Подобный разрыв в образовании соответствовал социальному делению на классы: правящий и подчиненный. Когда началось расширение школьного образования в России в конце XIX века, встал вопрос: по какому пути идти российской школе? Все наши духовные лидеры того времени ратовали за то, чтобы дать народу элитарную школу, связанную с университетским образованием, не разделяя ее на типы. Такая школа воспроизводила не классы, а единый народ. Вспомним хотя бы Льва Толстого, который даже учебники писал для обычной сельской школы.

После Октябрьской революции было принято окончательное решение, что школа должна быть единой и общеобразовательной. То есть, во-первых, школа стала массовой, а во-вторых, она была таким мини-университетом – давала весь круг знаний по различным дисциплинам: и гуманитарным, и естественным. Советская школа также социализировала человека, прививала ему правила поведения в обществе. Вообще, роскошь – иметь школу подобного типа, это очень дорого, но советское государство пошло на подобный шаг, поскольку он давал превосходящую интеллектуальную и общественную отдачу. Мы выросли на этой школе. Именно она создала такой тип человека, который и войну выиграл, и в космос полетел. Учиться в этой школе было тяжело, но она давала такие знания, которые позволяли нашему учащемуся, абитуриенту, а затем и студенту быть на голову выше выпускника западной массовой школы. С начала 1990-х годов советский, уникальный тип школы пытаются изменить. И дело здесь не в том, что понижается образовательный уровень или школа становится труднодоступной. Нет. Школу из массовой пытаются превратить в школу двух коридоров. Признаки этого – появление гимназий, лицеев – элитарных учебных заведений. Постепенно массовая школа начинает утрачивать свой университетский характер. Это трактуется необходимостью следовать мировым тенденциям. Но нужно знать западную школу для масс. Она также очень затратная. Денег туда вбухивают

очень много. Но кого она производит? Наша система образования воспитывала интеллигента. Это уникальное явление. Причем вне зависимости от рода занятий. Ведь интеллигентом может быть и рабочий. Создавалась такая своеобразная духовная матрица – «интеллигент». А западное образование создает матрицу «потребителя».

Угроза утраты национальной школы – одна из главных угроз, которые стоят перед нашей общей цивилизацией: и перед Россией, и перед Беларусью. Если мы потеряем школу, то потеряем и культуру. Основная масса населения будет разговаривать на совершенно другом языке и мыслить абсолютно иначе, чем небольшая прослойка элиты. Ведь что происходит на Западе? Когда говорит выходец из элитной школы, пусть и расположенный всей душой к народу, основная масса населения его не понимает.

При этом матрица нашей школы позволяет модернизировать преподаваемые знания, не меняя саму систему. Это такой каркас, который полностью восприимчив к любым новейшим достижениям. Есть широкий диапазон для вариаций. Он дает возможность изменять и программы преподавания предметов, и сетку часов. Но зачем менять саму школу?

– **Вы говорите, что советская школа воспроизводила тип интеллигента вне зависимости от рода занятий. Не натяжка ли это? Ведь выпускник ПТУ и обладатель университетского диплома располагали все-таки разным культурным багажом.**

– Дело не в дипломах и уровне знаний. Суть – в мироощущении. Возьмите того же Гагарина. Он учился в обычной провинциальной школе, окончил ремесленное училище, но по своему типу был интеллигент, который мог общаться и с творческими людьми, и с английской королевой на одном культурном языке. А кто такой выпускник ремесленного училища на Западе? Человек второго сорта, отрезанный от основных достижений культуры.

Мне довелось читать лекции в Испании, в частности старшеклассникам из небольшого рабочего городка. И преподаватель показал мне их сочинения. Это был ужасный примитив, какие-то наивные рассуждения. А писали их уже взрослые ребята. В чем здесь проблема? В отсутствии культуры написания сочинений. Там все основано на тестах. Прекрасное

Угроза утраты национальной школы – одна из главных угроз, которые стоят перед нашей общей цивилизацией: и перед Россией, и перед Беларусью. Если мы потеряем школу, то потеряем и культуру...

оборудование, все компьютеризировано. Но нет живого общения, нет системы трансляции культуры через школу. И сейчас это хотят привить и у нас.

На Западе существует огромное количество критических работ по отношению к тамошней системе образования. Многие авторы при этом ссылаются на советский опыт, как более передовой. Почему же наши реформаторы не изучают эти работы? На мой взгляд, прежде чем что-то менять, а тем более брать за основу чужую модель, нужно эту модель хорошенько изучить.

Наука важна не только тем, что она разрабатывает какие-то новые технологии, а тем, что она воспроизводит рационального человека. Национальная наука должна оказывать влияние буквально на все: на принятие политических решений, на школу, язык. Сейчас наука оказалась вытеснена из этих сфер. Ученые должны анализировать, откуда исходит угроза, куда бьют, чтобы знать, где чинить.

И последняя угроза – это утрата национальной армии. Ведь армия в каком-то смысле похожа на школу. Через нее тоже пропускают значительную часть населения. Там молодые мужчины приобретают определенный набор навыков, умений, установок, которые во многом определяют дальнейшую жизнь. Модель национальной армии, как и школы, мы выработывали примерно триста лет. Многие брали из своего опыта, перенимали у Запада. В результате получилось нечто самобытное и, как показал опыт, достаточно эффективное. Без понимания культурного генотипа армии пытаться ее переделать нельзя – обязательно что-нибудь сломаем. А задача реформаторов как раз и состоит в том, чтобы изменить генотип армии, превратить воинскую службу из священного долга в обычную профессию. В результате появится большое частное охранное предприятие.

– Давайте продолжим анализ. Скажите, на основании чего можно выстроить проект по реконструкции российского постсоветского социума, народа?

– Для того чтобы проектировать наше будущее, нам следует, во-первых, проанализировать неликвидированные угрозы. Во-вторых, нужно честно себе признаться, что далеко не все в советское время было хорошо. Негатив следует осмыслить, очертить его границы и попытаться исправить. Например, один либерал заявил мне,

что в Советском Союзе были плохие химчистки. Это частный пример, но он показателен. Следовательно, нужно обратить внимание на сферу бытового обслуживания, которая, очевидно, страдала в советские времена.

Сейчас уже ясно, что так называемый «реформаторский проект» сгорел и потерпел крах. Но это вовсе не означает, что невозможно его повторение. Он имеет своих приверженцев в лице либерального меньшинства, но очень влиятельного, поскольку оно пользуется финансовой, организационной и информационной поддержкой Запада.

...Общим местом стало обвинять в развале Союза Михаила Горбачева. Но этот деятель не главная причина кризиса, который поразил СССР в конце 1980-х годов. Горбачев – это продукт гниения, поразившего нашу страну. Когда пришел к власти Горбачев, многие негативные процессы распада уже невозможно было остановить. Это тяжелый вывод, но правдивый.

Коренная причина развала заключается в неспособности организма советской цивилизации ответить на тот вызов, который возник в результате соединения негативных последствий многолетней холодной войны как фактора внешнего давления с недоброжелательным инакомыслием внутри страны.

Пока эти факторы воздействовали порознь, с каждым из них справлялись. Но когда они соединились, оказалось, что их совокупная негативная сила мощнее, чем защитные свойства государственного организма. Причем на глазах моего поколения защитные силы советского общества ослабевали. Ведь невозможно представить, чтобы в 1945 году советские люди апатично отнеслись к приватизации промышленности или развалу единого государства, а в 1991 году именно это и произошло. Ведь для того поколения само понятие промышленности, индустрии было святым как результат подвига, совершенного в первые пятилетки. То есть рациональный расчет соединялся с пантеоном священных символов. Затем рациональное мышление было разрушено, а вера в советские символы подорвана. Но для того, чтобы восстановить государство, осуществлять новый проект, мы должны понять, почему рухнул советский строй.

Беседовал Вадим ГИГИН ■